

К. Носков

**Авантюра, или Черный для
русских белых в Монголии
1921 год**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К11

К11 **К. Носков**
Авантюра, или Черный для русских белых в Монголии 1921 год / К. Носков –
М.: Книга по Требованию, 2016. – 47 с.

ISBN 978-5-458-46216-7

О тех ужасных злключениях, которые пришлось пережить тысячам русских благодаря революции и гражданской войне.

ISBN 978-5-458-46216-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

тщательно скрывали истину, делали успокоительные заверения, но без результата. Тревога росла. Появились слухи о каких-то таинственных сношениях китайских властей (в частности в Улясутае) с прибывшими в Монголию агентами Советского Правительства, убеждавшими, будто бы, китайцев в их собственных интересах выдать всех русских беженцев в руки красных.

Китайские комиссары продолжали делать успокоительные заверения, но сами стали проявлять странную нервозность.

В Кобдо и Улясутае были введены стеснительные меры, характерные для местностей, находящихся в сфере военных действий. Поведение китайских гарнизонов, набранных из низших подонков общества, сделалось нестерпимо вызывающим.

Все чувствовали, что должно случиться что-то страшное. Китайские чиновники с учтивостью и преувеличенной восточной вежливостью продолжали заверять в полной безопасности даже накануне роковых событий в Кобдо.

В ночь на 21-е февраля 1921 г. в городе послышались выстрелы. Этот день был началом Монгольского праздника Цаган-Сара, - первый день нового года. На стрельбу сперва не обратили внимания, принимая ее за треск рвущихся китайских ракет.

Надо сказать, что на религиозном ритуале монгол, как равно и на всей духовной жизни их, отразилось могучее влияние древней, более высокой культуры соседнего Китая. Это влияние сказалось на всем укладе монгольского быта и неудивительно потому, что праздники у монгол проходят под тот же грохот барабанов, треск рвущихся ракет, как и у их соседей - китайцев.

Поэтому выстрелам, раздавшимся в этот день в 9 часов вечера, никто в первый момент не придал значения, но скоро свист пуль, звон разбиваемых стекол, гортанные дикие крики китайцев не оставили места сомнениям. Что-то страшное, чего так боялись и ждали, началось.

Толпы озверелых, оборванных китайских солдат, беспорядочно стреляя по всем направлениям, бегали по городу, врывались в дома, грабили и убивали встречающихся русских.

О сопротивлении нечего было и думать. Никакой организованной силы, могущей прекратить погром, не было. Оставался единственный шанс к спасению - бегство.

К счастью, жертв оказалось немного. Погибло всего 7 человек, не успевших вовремя скрыться в узких закоулках задних дворов "хошунов", в густых кустарниках карганы или нарвавшихся случайно на грабивших солдат. Так погибла семья некоего Истомина, которая, охваченная

паническим страхом, побоялась бежать в неизвестность и темноту холодной зимней ночи. Банда озверелых солдат ворвалась к ним, выгнала на улицу и здесь покончила со всеми. Сам Истомин упал с разможенным черепом под выстрелами бандитов, прижимая к груди своего малютку - сына, которого он при падении задавил тяжестью своего тела; рядом с ним была его тяжело раненая жена и живший вместе с ними другой беженец, убитый наповал пулею в грудь.

Кобдо был разграблен и сожжен.

На тысяче верблюдов вывезли китайцы свою добычу. Они спешили на юг (в Синьцзян). Слухи доходили до них, что в Кобдо быстро идет Кайгородов, который, присоединив к своему небольшому отряду беженцев из Кобдо, двинулся против китайцев.

Кайгородов опоздал. Китайцы из Кобдо ушли, оставив позади, вместо веселого, цветущего городка, груды дымящихся развалин. Все, что осталось от грабителей, стало жертвой огня.

События в Улясутае. Разоружение китайцев.

Жуткие дни переживал Улясутай. Потрясающее известие об участии Кобдо взволновало население города. Преувеличенные слухи о Кобдосских событиях рисовали картины, полные ужаса. Говорили едва ли не о полном истреблении всего русского населения Кобдо.

Что делать??? - стоял тревожный вопрос перед населением города.

Опасность была велика. Она грозила одинаково, как беженцам, так и старым аборигенам города - русским колонистам.

Надо было принять меры к самозащите. Малейшее промедление могло быть роковым: настроение китайского гарнизона было зловещим, - китайцы захватили оружие, хранившееся в монгольском ямыне, и роздали его между китайскими рабочими (кули). Поведение этой вооруженной черни было крайне вызывающе, казалось, все действия китайцев были направлены к тому, чтобы провоцировать русское население: вызвать взрыв и повторить в Улясутае такую же дикую оргию грабежа, как в Кобдо.

Печальный урок последнего не пропал даром. Население приготовилось к самозащите, организовалась самооборона во главе с полковником Михайловым. Опираясь на эту вооруженную силу и содействие монгольского сайта Чолтун-Бейсси, русское население вступило в переговоры с китайским комиссаром Улясутая, Ванг-Тзоо-Тзун.

Ванг-Тзоо-Тзун, учитывая политическую обстановку момента, согласился на предложенные ему условия мирного соглашения, предусматривающего разоружение китайского гарнизона и эвакуацию Улясутая.

11-го марта 1921 г., после бурных и страстных прений, соглашение было подписано сторонами. Китайские власти выговорили право на свободный и почетный проход через территорию Монголии с личным вооруженным конвоем в 17 человек.

Договор не был выполнен. Китайцы, выступившие 16-го марта из Улясутая, на пути были нагнаны русско-монгольским отрядом под командой поручика Стригина, обезоружены и ограблены. Ответственность за нарушение Улясутайского договора, несомненно, должна пасть на барона Унгерна.

Представитель барона, полковник Доможиров, явился с небольшим отрядом под Улясутаем. Через посланного, он потребовал именем грозного барона немедленного разоружения китайского гарнизона, ареста китайских властей и отправки их в Ургу.

Неповиновение воле барона казалось безумием... Рассказы о зверской жестокости приводили в трепет... Чуждый жалости и сострадания, барон беспощадно карал смертью за самые ничтожные проступки.

Его жестокость граничила с каким-то чудовищным садизмом... Он наслаждался страданиями своих жертв. Рассказывают страшные эпизоды, от которых волосы на голове становятся дыбом. Чем-то средневековым варварским веет от этих рассказов. Передают, как факт, что Унгерн в Урге сжег живо несколько своих офицеров, дезертировавших от него в Маньчжурию. Несчастные были пойманы где-то около Хайлара, почти на пороге к своей свободе, привезены в Ургу и здесь сожжены в присутствии барона. Рассказывают, что один из этих офицеров на костре нашел в себе достаточно силы и плюнул в лицо барона, когда тот, стоя рядом, издевался над мучениками. Русский колонист Носков, мой однофамилец, доверенный английской торговой фирмы Видерман погиб смертью, которую, пожалуй, мог бы выдумать изощренный в придумывании мучительных пыток ум какого-нибудь восточного деспота или средневекового инквизитора. Обвиненный в сокрытии золота и серебра, принадлежащих фирме, Носков - мужчина необычайно крепкого физического телосложения - палочными ударами был превращен в кусок кровавого мяса, а потом выброшен на жгучие лучи весеннего монгольского солнца... Мириады мух покрывали страдальца... Тело, превращенное в одну сплошную рану, кишело червями. Страдания были так невыносимы, что рассудок оставил его. Но звери, в образе человека, под руководством коменданта Урги полковника

Сипайлова, продолжали мучит его, безумного, наивно говоря: "от сумасшедшего мы скорее узнаем, где спрятано золото".

Таков был человек барон Унгерн, именем которого полковник Доможиров требовал нарушения Улясутайского договора.

Михайлов повиновался. Сайт Чолтун-Бейсси с большой неохотой согласился присоединить к русскому отряду 20 монгол.

Китайцы были настигнуты отрядом, разоружены и ограблены.

Русское население Улясутая и Сайт были глубоко возмущены действиями Стригина. Многие из офицерства горячо протестовали против действий Михайлова и Стригина. Часть захваченного имущества под давлением этой группы протестантов была отобрана, сдана на хранение в Монгольский ямынь для передачи впоследствии собственникам.

Споры и разногласия, связанные с этими событиями, породили недовольство монгол их союзниками - белыми, которое потом, становясь все более и более острым под влиянием нелепой политики барона и его последователей, привело, наконец, к открытому выступлению против их избавителей и отдало Монголию в руки красных.

24-го марта представитель верховной власти барона Унгерна, полковник Доможиров, приехал в Улясутай. Он не представил никаких письменных полномочий от барона и Михайлов отказался передать ему высшую власть в городе. Между ним и Доможировым началась глухая борьба за власть. Оба апеллировали к грозному барону. Барон разрешил спор, отставив обоих претендентов, и отправил в Улясутай казака Енисейского казачьего войска, выборного войскового атамана Казанцева, снабдив его чрезвычайными полномочиями, как командующего Улясутайским районом.

Недели за полторы до прибытия в Улясутай Казанцева, в одно апрельское утро, в город въехала группа вооруженных всадников. Это были гвардейские офицеры: полковник Полетико и братья Филипповы. Они назвались представителями Центральной организации белых в России. С появлением этих лиц положение сделалось еще более запутанным. Полетико также претендовал на доминирующую роль. Повторилась старая, давно знакомая, родная русская картина: интриги, несогласия, а за ними - развал. Полетико обрушился с беспощадной критикой на политику Унгерна и Семенова, называя их авантюристами.

Странную и малопонятную роль играл во всех этих взаимных интригах и спорах профессор Оссендовский, бывший начальник Осведомительного Отдела при Штабе Верховного Главнокомандующего адмирала Колчака. Трезво, умно разбираясь в положении русских в Монголии, называя себя иностранцем, тщательно отграничивая себя от русских, он вел какую-то

сложную, запутанную политическую интригу, ссоря очень искусно всех претендентов на высшую власть в Улясутае. Между прочим, он редактировал, нарушенный договор с китайцами об их эвакуации.

Казанцев в Улясутае.

Приехал Казанцев... Я живо помню его первое появление в Улясутае. Небольшого роста, широкоплечий, с большой рыжей бородой, в коротком, плотно облегающем его коренастую фигуру старом потертом полушубке, в казачьей белой папахе, в простых, подвязанных у колен тонким кожаным ремешком сапогах (ичигах), он появился на созванном им собрании.

Глухим, отрывистым голосом, избегая смотреть кому-либо в лицо, со взглядом, опущенным вниз, он объявил: "Я приехал с намерением провести в жизнь намерения и планы барона и, под страхом строгой ответственности, должен выполнить это. Я это сделаю. За все неудачи я отвечаю собственной головой, а потому от всех лиц, остающихся со мною, я требую безусловного повиновения".

Молча разошлись с собрания. У всех было какое-то смутное, неопределенное, но тяжелое чувство. Всем навязывали чужую волю, не спрашивая согласия, требовали полного повиновения под страхом жесточайших кар.

Давно ли велись страстные дебаты о праве быть свободным на чужой земле, заниматься своим собственным делом, а не быть бессловесным орудием в руках честолюбивых людей, стремящихся к каким-то химерическим целям.

Теперь приехавший, неизвестный никому человек, именем грозного барона требовал абсолютного повиновения его единой воле.

И все подчинились... Почему так случилось?... Это психологическая загадка, на которую я не сумею ответить. Многие понимали опасность положения, которое проф. Оссендовский остроумно сравнивал с мышеловкой. Сознали, что с приездом Казанцева, мышеловка должна захлопнуться окончательно. У многих мелькала мысль об аресте Казанцева, - ведь, он был, в сущности говоря, со своими несколькими преданными ему людьми, совершенно бессилён; грозный барон так далеко... Фактически, Улясутай был вне сферы достижения его карающей руки. Но все приняли случившееся, как непреложный закон судьбы, против которого всякая борьба бессмысленна, бесполезна. Как много теряют иногда люди только оттого, что в нужный момент они недостаточно решительны и гибнут сами, увлекая за собой других.

Отъезд полк. Михайлова и др.

Приезд Казанцева сразу положил конец всем интригам и сделал положение ясным. Прежним хозяевам положения оставалось или подчиниться беспрекословно Казанцеву или уехать из Улясутая. Им предоставлен был выбор. Они предпочли последнее и погубили себя.

Болезненное самолюбие атамана, поднявшегося из самых низов до своего настоящего положения, было глубоко уязвлено. Он почувствовал в этом отъезде пренебрежение к себе людей, которые, он хорошо сознавал, были неизмеримо выше его по их моральному и культурному уровню. Атаман был жестоко оскорблен, он видел в их нежелании подчиниться ему - сопротивление воле всеильного барона - и судьба этих людей была предопределена. Эти лица были, по большей части, высоко-культурные люди, носили академические значки разных высших учебных заведений, тем не менее - не сумели учесть сложившейся обстановки и погибли все, за исключением проф. Оссендовского, который, благодаря ли своему дипломатическому таланту, или просто своей необыкновенной изворотливости, сумел заслужить расположение Унгерна и выбрался на Дальний Восток.

Да, видимо, приходится признать справедливым афоризм - знание и понимание реальной жизни не дают академические значки, а жизненная академия.

Конечно, не одно нежелание подчиниться атаману Казанцеву было побудительным стимулом их отъезда. Они, как мыслящие люди, прекрасно понимали всю призрачность дела барона, сознавали роковые последствия игры в солдатики освободителей Монголии, а потом и России. Они мечтали выбраться из Монголии в ту привлекательную манящую даль, где будет конец их бесконечным скитаниям, где люди живут под охраной законов, пользуются плодами человеческой культуры.

Из Улясутая выехали все сливки русского общества: полк. Михайлов с женой, Полетико, братья Филипповы, бывший Акмолинский губернатор Рыбаков, капитан Зубов - племянник бывшего Председателя Государственной Думы Родзянко, бывший предводитель дворянства Писсаржевский и проф. Оссендовский.

По дороге в Ургу, близ Заин-Шаби, они встретили отряд капитана Безродного, посланный бароном Унгерном для "установления порядка" в районах Улясутая и Кобдо. Барон, знавший о деятельности этих лиц по односторонним отчетам полк. Доможирова, дал Безродному

соответствующие инструкции. Двенадцать человек из группы Михайлова были беспощадно зарублены и в их числе он сам с женой. Один из Филипповых послан в Ургу, где его постигла та же участь перед входом в палатку свирепого барона. Рыбаков, Зубов и Писсаржевский были привезены Безродным в Улясутай и здесь первые два погибли от рук палача, а последний - при восстании монгол.

Казанцев в Улясутае, подготовка похода в Россию.

Казанцев был обязан своим положением старым связям с Енисейским казачеством. Унгерн надеялся при помощи Казанцева поднять восстание против большевиков в области Енисейского казачьего войска. Казанцев должен был действовать в этом направлении и пойти в пределы России через приграничную область - Урянхай.

Урянхайский край должен был служить базой для развития военных операций против красных, где должен был создаваться казачий оплот против большевизма.

Атаман и его ближайший помощник, горный инженер Сиорпас, в своих мечтах рисовали картины будущих казачьих станиц в Белом Урянхае, издавали в Улясутае приказы с призывом своих казаков к борьбе с оружием в руках против ига большевиков и об организации Урянхайского казачества, и даже определили норму будущего душевого надела в двести десятин на каждого казака.

Стали готовиться к походу в Россию. Но еще древние хорошо знали афоризм, что для войны нужны три вещи: деньги, деньги и деньги, а их-то и не было. Поднимался вопрос, где взять средства для отряда, и ответ был скоро найден. Под боком было столько богатства в китайских и русских лавках, огромные средства Центрo-Союза.

Начали с Центрo-Союза. Реквизиция его богатств не казалась предосудительной, ведь, он был русским государственным учреждением, а мы собирались "спасти Россию", следовательно, использование средств Союза было вполне справедливо и законно.

Но этим не ограничились: перешли на частные предприятия, и началась вакханалия реквизиций, ничем не отличающаяся от подобных реквизиций, производимых в России большевиками.

Склады интендантства ломились от товаров, все помещения завалены и на дворе огромные ярусы, покрытые брезентом. По слухам, стоимость реквизированных товаров была более двух миллионов долларов. Соответствует ли эта цифра действительности, не знаю, никакого

правильного учета реквизируемым товарам не производилось. Быть может, вы спросите меня, для какой цели реквизировалось такое огромное количество товаров, - весь отряд состоял только из двухсот человек. Казанцев и его штаб отвечали: "когда мы, в своем наступлении через Урянхай, войдем в русские пределы, наш отряд, подобно снежному кому, брошенному с высокой горы, разрастется в такую боевую единицу, которую можно назвать только армией, а для нее будут нужны большие средства".

Товары упаковывались, готовились к отправке, велись переговоры с монгольским сайтом о доставке верблюдов для транспорта. Предполагалось отправить товары к русской границе. Странная, ничем не оправдываемая самоуверенность господствовала в отряде. Не было и мысли о возможной неудаче, о безумной затее бороться с правительством, державшим в своих руках боевые ресурсы огромного государства.

Передавали преувеличенные слухи об успехах Унгерна, о его движении на Иркутск и т. д.

Уверенность атамана возросла после обещания ему помощи со стороны правящих классов сойотского народа.

Красная пропаганда проникла также и в Сойотию. Всеразрушающая рука большевизма пошатнула и здесь вековые устои общественной жизни первобытного народа. Идеи большевизма дали прекрасные всходы на почве Сойотии. Сойоты стали отказываться слепо подчиняться своим "нойонам", прекратили платежи различных налогов и поборов в пользу господствующего социального класса.

Положение создалось настолько угрожающим, что глава Сойотии, Хамбо-Лама, вынужден был бежать с родины и укрыться в одном Монгольском монастыре. "Белое движение" в Монголии, казалось, давало ему шансы вернуть утраченные былые влияние и власть. Он обещал Казанцеву широкую поддержку людьми и оружием.

Обстановка, как будто, складывалась для нас, "белых", благоприятно. Уверенность в успехе росла.

На Пасху атаманом был издан приказ с поздравлением по случаю праздника, и выражалась уверенность, что следующий Святой Праздник мы встретим на родине, в кругу близких и дорогих нам людей.

Первый поход в Урянхай.

На третий день Пасхи отряд выступил из Улясутая и отправился в Самагалтай Курэ, в Урянхайском крае.

Отрядом командовал поручик Поползухин, умный, энергичный офицер, один из немногих уяснивших себе все безрассудство задуманного предприятия.

Я слышал впоследствии, что Поползухин, перед выступлением отряда из Улясутая, советовал некоторым колонистам немедленно покинуть город. "Будет поздно думать о побеге, когда отряд вернется разбитым", будто бы говорил Поползухин.

Сам атаман отправился в Сойотию, к своим союзникам-князьям - за обещанной помощью.

Тарлакшин.

Отряд пришел в Урянхай и, дойдя до устья речки Тарлакшин, притока реки Тесь, в двадцати пяти верстах от русской границы, остановился, ожидая дальнейших распоряжений атамана, который сам должен был лично прибыть из Сойотии и принять на себя командование.

От встреченных на границе беженцев мы узнали, что красным хорошо известно о нашем походе и они проявляют лихорадочную деятельность в подготовке отпора нам.

Атаман медлил прибытием. Целая неделя прошла спокойно. Никто не верил в возможность наступления красных, не предполагал перехода ими границы. Наш лагерь, можно сказать, был на мирном положении. Так продолжалось до рокового дня 23-го мая 1921 г.

В этот день пехота отряда вышла на учебную стрельбу по мишеням. Казачья сотня занялась постройкой пригона для лошадей. Свободные от занятий люди бродили по лагерю или занимались каждый своим делом. Ничто не предвещало печального конца.

Вдруг, внезапно, откуда-то совсем близко, раздался залп. Это не была учебная стрельба нашей пехоты. Многие повалились убитыми и ранеными... Из-за небольшого увала, почти рядом с лагерем, вылетали на полном карьере всадники... Развеваящиеся красные знамена в их руках сразу объяснили, что случилось.

Застигнутые врасплох люди дрались с храбростью и отчаянием, зная, что пощады от красных партизан не будет. Под напором значительно превосходящего в численности противника, лагерь со всеми запасами был оставлен... Отходили шаг за шагом, отстреливаясь до последнего патрона... Раненые, кто мог двигаться, ползли за отходящими, кто был не в состоянии передвигаться, кончали жизнь самоубийством.

После четырехчасового боя, потеряв девяносто семь человек, главным образом, убитыми (раненых было немного), мы отошли за реку Тесь. Красные не преследовали. Утомленные упорным боем, понеся еще более крупные потери (89 - убитыми, 205 - ранеными), нежели мы, они провели ночь на месте боя, в нашем покинутом лагере и на следующий день ушли обратно, в Русь.

Яркие, красочные иллюзии о победоносном походе в Россию, о захвате Урянхая, рассыпались в прах. Уныло и печально потянулись разбитые жалкие остатки отряда обратно в Улясутай.

Казанцев в Сойотии.

Надежды атамана на помощь сойотских союзников оказались такими же призрачными иллюзиями, как и победоносный поход в Россию. Сойотские князья, давая свои обещания, ожидали, действительно, найти в Казанцеве силу, которую можно было бы использовать для обуздания их непокорных подданных. Казанцев же появился в Сойотии с небольшой группой почти невооруженных людей и потребовал выполнения обещания. Сойоты, быстро учли положение и полную бесполезность для них Казанцева, и решительно отказали в помощи.

Атаман, не обладая политическим чутьем и дипломатическими талантами, потерпел полную неудачу в своей миссии.

Все переговоры были безрезультатны. Лукавые азиаты, признающие только авторитет силы, отказались, в конце концов, от всяких дальнейших разговоров с Казанцевым.

Раздосадованный атаман прибегнул к угрозам и испортил положение в конце. В одну темную ночь толпа вооруженных сойотов напала на юрту атамана. Юрта была обстреляна. Сам атаман и его спутники едва успели спастись бегством в одном белье, бросивши все свое имущество и товары, привезенные сюда на тридцати верблюдах.

Возвращение в Улясутай, приказ №15.

Между тем в Улясутае появились новые лица. Прибыл с особым карательным отрядом правомочный представитель барона Унгерна, капитан Безродный и, одновременно с ним, монгольский отряд в семьсот человек оборванных, босых "цириков" во главе с есаулом русской службы, Вандановым, и монгольским князем Хатын-Батыром.